

Е.Г. ВОДИЧЕВ, Н.А. КУПЕРШТОХ

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ИСТОРИИ НОВОСИБИРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ И СУДЬБЫ НАУЧНЫХ ЛИДЕРОВ

Изучение судеб людей, научных учреждений и школ, истории науки как общественного института, конечно, не объясняет возникновения новых идей, но смена научных парадигм почти всегда сопряжена с установлением и разрушением «связей», групповой борьбой, победами и поражениями конкретных людей [1, с. 4]. При этом социальная история науки опирается на достаточно обособленный круг источников — архивные документы и воспоминания ученых — свидетелей событий. Именно этим сюжетам в истории экономических исследований и социологии в Новосибирском научном центре (ННЦ) в конце 1950-х — 1960-е годы посвящена данная статья.

Хотя история Сибирского отделения РАН получила отражение в многочисленных публикациях, перипетии создания отдельных научных учреждений комплексного научного центра до сих пор остаются «за кадром». Эти процессы во многом объясняют последующее развитие тех или иных научных школ и направлений в истории академической науки. Правда, далеко не всегда обстоятельства создания отдельных научно-исследовательских институтов соответствуют логике развития научного центра в целом. Базовые императивы, определившие возникновение центра фундаментальных исследований в Сибири, сохраняли свое значение и при формировании его отдельных структурных подразделений. Но не меньшую роль здесь сыграли состояние и приоритеты развития конкретных научных дисциплин, профильных для того или иного учреждения, господствующие подходы и пара-

---

Водичев Евгений Григорьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН. **Электронная почта:** evgeny@mail.cis.ru **Куперштох Наталья Александровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН. **Адрес:** 630090 Новосибирск, проспект Лаврентьева, 17. **Электронная почта:** skn@demakova.net Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 02-01-00332а.

дигмы, а также вклад в этот процесс отдельных ученых и лидеров научных школ и направлений.

Известно, что в Новосибирском Академгородке при создании научных учреждений в конце 1950-х–1960-е годы неоднократно возникала острая конкуренция как между школами, так и между лидерами. Одним из учреждений, через несколько лет после организации существенно изменившим свою структуру, тематику исследований и кадровый состав, был Институт экономики и организации промышленного производства: ИЭиОПП СО АН СССР (далее ИЭиОПП СО РАН). Анализ особенностей формирования института и его деятельности в начальный период позволяет установить некоторые ранее неизвестные аспекты создания академического комплекса в Сибири в целом.

ИЭиОПП относился к «первому эшелону» научных учреждений, сформированных в Новосибирском Академгородке. Он в полной мере испытал на себе влияние базовых детерминант, лежавших в основе самой идеи создания научного комплекса и определявших стратегию его развития на ближайшую и среднесрочную перспективу. ИЭиОПП создавался в то время, когда развитие социально-экономических исследований в стране столкнулось с целым рядом новых «вызовов». Особую роль здесь, на наш взгляд, сыграло стремление партийного руководства во главе с Н.С. Хрущевым, во-первых, внести существенные корректировки в базовые принципы научно-технической политики, повысить практическую «отдачу» от научных исследований и разработок и, во-вторых, изменить экономическую политику в целом.

Сам механизм инициирования научной политики претерпел при Хрущеве существенные изменения. Основным их содержанием стало значительное усиление роли ученых на различных уровнях формирования и реализации политики. На многих принятых в те годы решениях лежит отпечаток влияния крупнейших ученых того времени. Наиболее очевидным и известным фактом такого рода является история создания Сибирского отделения АН СССР, идея которого была сформулирована академиками М.А. Лаврентьевым и С.А. Христиановичем. Очевидно, что ее успешная реализация стала возможной благодаря личному доступу Лаврентьева к Хрущеву. В целом, склонность Хрущева окружать себя известными учеными, демонстрируя свою приверженность передовой науке, оказала очень большое, но до сих пор не исследованное должным образом влияние на процесс формирования научной политики. Есть основания предполагать, что многие принципиальные решения середины 1950-х и последующих лет получили стартовый импульс именно в силу подобной системы отношений. Возможно так же, что в постсталинский период была сделана попытка трансформировать «научный истеблишмент» в один из ключевых компонентов советской элиты, куда уже входили партийный аппарат, управленческая бюрократия и военно-промышленный комплекс. При этом, с одной стороны, властям проще было контролировать быстро разрастающуюся науку, а с другой — обеспечивать регулируемое участие ученых в разработке экономической и научно-технической политики с гарантией определенной доли компетентной и конструктивной критики [2, с. 178–179]. Параллельно решалась и задача расширения социальной базы режима. Пределы сотрудничества с учеными формулировались, однако, достаточно жестко — за ними оставля-

лось право генерировать идеи и обеспечивать их практическую реализацию, но не принимать решений в сфере экономической и научно-технической политики. Хотя новые принципы взаимоотношений властей с учеными относились прежде всего к представителям естественнонаучных и технических дисциплин, они в полной мере проявлялись и в области экономических исследований. Именно во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов рядом ученых-экономистов прилагались усилия по выведению целых направлений экономических исследований за рамки скомпрометировавшей себя в глазах многих ученых-естественников и предельно идеологизированной политэкономии. Эти акции были связаны как с существенным изменением традиционного предмета экономического анализа, так и разработкой новых исследовательских методов, а также с широким развитием интеграционных связей с другими областями научного знания — прежде всего математикой и информационными технологиями.

Стремление хрущевского руководства повысить экономическую роль науки также способствовало развитию новых направлений исследований. С середины 1950-х годов еще более акцентировались прагматические функции науки. Делался вывод, что в новых условиях любые научные исследования, независимо от степени их фундаментальности, должны иметь прямой выход в практику, в процесс общественного производства. Но экономический компонент был, пожалуй, и наиболее слабым звеном в системе мероприятий научной политики как хрущевского, так и последующего периодов. Причины этого коренились отнюдь не в отсутствии инициатив — их было более чем достаточно. Главным тормозом было непонимание глобальных причин систематического отставания СССР в экономической сфере и, прежде всего, в области научно-технического прогресса, вызванного приверженностью самого Хрущева и его ближайшего окружения идее об имманентно присущих социализму преимуществах перед капиталистическим обществом. Это приводило к фрагментарности усилий, попыткам изменить частности вместо серьезных перемен в самом экономическом механизме, автоматически ограничивало горизонты намечаемых экономических и социальных реформ.

Однако эти «частности» в конце 1950-х — начале 1960-х годов значили не так уж и мало. Стремление к внесению существенных корректив в экономическую политику СССР предопределило значительный рост интереса со стороны руководства страны, по крайней мере, к двум проблемам, традиционно находившимся в поле зрения экономической науки, но до сего времени не являвшимся приоритетными. Во-первых, это была проблема экономического районирования и регионального управления, вызванная стремлением Хрущева к децентрализации экономики, отчетливым проявлением которого стали широко известные совнархозовские эксперименты. Особую значимость она приобретала в приложении к регионам Сибири и Дальнего Востока, которые рассматривались как территории перспективного хозяйственного освоения.

Во-вторых, это были подходы к управлению экономикой на макро- и микроуровнях, направленные на повышение эффективности субъектов экономической деятельности в стране. Интерес к этой проблематике подогревался и тем обстоятельством, что администрация Хрущева интерпретировала

автоматизацию и стандартизацию в экономике (прежде всего в промышленности) как универсальные способы повышения качества экономических решений, представляя их своего рода «управленческими панацеями». Фактически, при Хрущеве был дан мощный импульс к развитию исследований в области современного по тем временам менеджмента, хотя сам термин и оставался «за кадром». Впоследствии это направление было поддержано председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным и нашло свое отражение в системе мероприятий так называемой «экономической реформы» 1965 г. Впрочем, увлечение менеджментом здесь сыграло неоднозначную роль. Реформа экономического механизма в стране была, по сути, подменена поисками оптимальных управленческих решений, базирующихся на системе экономических показателей. Но более радикальных подходов в тех обстоятельствах ожидать было трудно.

При всей зыбкости таких построений для практики управления экономикой, где границы инноваций были очерчены весьма жестко, для теории они имели принципиальное значение. Получили развитие новые направления в экономических исследованиях. К их числу относились проблемы территориального размещения производства, создания динамических межотраслевых моделей территориального развития, а также методологии, базирующейся на применении математических методов и информационных технологий. Все они нашли свое место в деятельности ИЭиОПП СО РАН, однако не сразу и не без труда.

Следует отметить и наличие объективных предпосылок для развития социологического направления в рамках нового академического института экономического профиля в Сибири. По свидетельству В.И. Шляпентоха, 1958–1965 гг. стали «эмбриональным» периодом в развитии советской социологии [3, с. 13]. Именно в это время в СССР формировалась социология как новая научная дисциплина, появились первые профессиональные организации социологов. В 1958 г. создана Советская социологическая ассоциация. В 1961 г. образовался социологический отдел в Институте философии АН СССР, который возглавил Г.А. Осипов, а также социологическое подразделение в Ленинградском университете. В это же время возникло и первое социологическое подразделение в ИЭиОПП СО АН СССР — центр по изучению проблем молодежи, руководителем которого стал В.Н. Шубкин. Бурное развитие социологических исследований на рубеже 1950–1960-х годов было неслучайным. Общество, разгерметизированное хрущевской «оттепелью», стремилось к самопознанию. Наряду с этим обществоведы все чаще ставили вопросы о том, насколько официальные идеологемы о закономерностях развития советского общества соответствовали реальности. Несмотря на то, что власти и теперь без восторга относились к подобному любопытству, границы дозволенного явно расширились. Начался процесс «социологизации» некоторых направлений философских и исторических исследований. Что же касается экономистов, то и у них стали появляться сомнения в правомерности исследования ряда «пограничных» проблем (например, причин миграции населения) лишь экономическими методами. В силу этого возник интерес к анализу мотивации трудовой деятельности, проблемам использования свободного времени и т. д.

Таким образом, на макроуровне формирование института социально-экономического профиля в структуре нового научного центра происходило в благоприятных условиях. Однако существовало и немало сложностей и препятствий. Как и большинство других академических учреждений, создаваемых в Новосибирске, новый институт практически не мог опереться на ранее действовавшие в регионе научные структуры. Традиционно развитие экономических исследований в Сибири предопределялось процессами хозяйственного освоения этого региона. Так, наметившееся в начале 1930-х годов движение Академии наук СССР в направлении Севера и Востока страны соответствовало вектору перспективного экономического развития. Этот процесс осуществлялся силами крупнейших наркоматов и ведомств (ВСНХ и отдельных ведомств после его разукрупнения, Наркомата путей сообщения, Комсеверпуть и др.). Это был период возникновения и роста в Сибири филиалов различных отраслевых научно-исследовательских учреждений. Большая часть экономических исследований в регионе была ориентирована на использование природных ресурсов и проводилась в рамках работ, координируемых Советом по изучению производительных сил (СОПСом). Ко времени создания СО АН СССР определенные экономические изыскания в Сибири осуществлялись и в рамках собственно академической науки. Однако к середине 1950-х годов в составе Отдела экономических исследований Западно-Сибирского филиала СО АН СССР насчитывалось всего около 20 сотрудников, лишь двое из которых имели ученую степень кандидата наук [4, с. 22]. Их работа носила традиционный для периферийных научных учреждений характер и была направлена на изучение производительных сил и ресурсов Сибири. Имеющийся в регионе потенциал специалистов-исследователей в области экономики не мог стать определяющим фактором для формирования нового академического института.

Перед новым научным учреждением стояла нелегкая задача обеспечить баланс интересов по двум ключевым аспектам. С одной стороны, в условиях декларированного XX съездом КПСС курса на ускоренное развитие восточных регионов страны уже в силу своего размещения новый экономический институт не мог избежать жесткой ориентации на изучение проблем экономического потенциала и перспектив развития Сибири и Дальнего Востока. С другой стороны, при создании учреждения не могли остаться невостребованными и новые возможности для развития перспективных направлений экономических исследований. Это предопределяло как научные амбиции ИЭиОПП СО РАН, так и высокий уровень ожиданий от этого института.

Новый институт мог рассчитывать на быстрый старт при соблюдении как минимум двух условий: во-первых, при эффективной поддержке со стороны академического сообщества и руководства СО АН СССР и, во-вторых, при наличии сильного директора-организатора, который сумел бы предложить рациональную стратегию и сбалансировать весьма противоречивые ожидания от нового научного учреждения. Это в полной мере соответствовало декларированному при формировании Новосибирского научного центра принципу создания новых институтов «под директора».

Казалось бы, именно здесь больших проблем не ожидалось. Инициатором организации в Сибири института экономического профиля стал академик В.С. Немчинов. Он задумал сформировать в Сибири такой экономиче-

ский институт, который в конце 1950-х годов невозможно было создать в Москве из-за бдительности академиков, стоящих на страже интересов марксистской политэкономии. Именно академику Немчинову принадлежит концепция нового экономического учреждения, которое должно было стать частью Новосибирского научного центра. Институт экономики и статистики СО АН СССР — а именно такое название первоначально получил институт — должен был приступить к разработке моделей оптимального территориально-производственного планирования, исследовать перспективы развития народного хозяйства СССР и РСФСР, осуществлять разработку экономических и социальных проблем, проводить экономико-социологические исследования [5, с. 16–17]. В качестве первого шага по ориентации института на новую для экономических учреждений страны проблематику в 1958 г. в Москве В.С. Немчиновым была организована лаборатория по применению статистических и математических методов в экономике СО АН СССР, состоявшая из москвичей и ленинградцев. Впоследствии предполагалось ее перебазирование в Новосибирск. Однако произошло неожиданное: болезнь не позволила В.С. Немчинову возглавить институт и переехать в Сибирь. Это событие повлияло на судьбы как нового экономического института в Новосибирском Академгородке, так и московской лаборатории — впоследствии на ее основе был создан Центральный экономико-математический институт Академии наук СССР.

В мае 1958 г. Институт экономики и статистики СО АН СССР был переименован в Институт экономики и организации промышленного производства; это название сохранилось до настоящего времени. Директором был назначен Герман (Гермоген) Александрович Пруденский. Выпускник Московского высшего технического училища, он продолжительное время работал на Урале, в 1951–1955 гг. был ректором Уральского политехнического института, затем был переведен в Москву на должность заместителя председателя Госкомитета СМ СССР по вопросам труда и заработной платы. В 1958 г. Г.А. Пруденский был избран членом-корреспондентом АН СССР [6, с. 93].

По воспоминаниям современников, «Г.А. Пруденский прошел школу советского ученого-обществоведа. Много лет он был секретарем Свердловского обкома партии, затем оказался в Москве в качестве заместителя председателя Комитета по труду, который возглавил Каганович. Несмотря на внешний либерализм и импозантность, Пруденский главное почерпнул именно в те годы, будучи в партийной и государственной номенклатуре» [1, с. 76]. «Становление института экономики прошло не просто. Директор института член-корреспондент Г.А. Пруденский в числе первых приехал в Академгородок и привез группу своих сотрудников и учеников — значительный, но весьма пестрый коллектив» [7, с. 169]. Таким образом, уже с самого начала в истории института произошли драматические коллизии, предопределившие многие последующие конфликты. Оказался нарушен, по крайней мере частично, базовый принцип формирования научных учреждений СО АН СССР — создание институтов «под директора». Ключевые позиции концепции ИЭиОПП были сформулированы одним ученым и руководителем, а реальным директором стал другой — во многом не разделявший взгляды своего предшественника как на приоритетность научных тем и направлений, так и на подбор ведущих сотрудников.

В 1961 г. основными подразделениями института являлись секторы технико-экономических исследований, размещения промышленного производства и районных проблем Сибири, экономики труда и трудовых ресурсов, народно-хозяйственных проблем Сибири и Дальнего Востока, а также сектор (лаборатория) экономико-математических методов в планировании. В составе института работало 183 человека, в том числе 5 докторов и 39 кандидатов наук. Институт проводил исследования по четырем ключевым направлениям: анализ и экономическая оценка размещения производительных сил, оценка перспектив комплексного развития промышленности и производственных связей по крупным экономическим и административным районам Сибири и Дальнего Востока; проблемы экономики и планирования промышленного производства; рациональное использование трудовых ресурсов Сибири и Дальнего Востока, а также анализ внутрипроизводственных резервов промышленности и экономических проблем технического прогресса и организации промышленного производства [8, с. 169].

С самого начала в институте тлеял латентный конфликт между Г.А. Пруденским и его сторонниками и молодым, но быстро приобретающим широкую популярность исследователем, впоследствии директором ИЭиОПП и академиком РАН, А.Г. Аганбегяном. После окончания Московского экономического института он работал в одном Госкомитете с Г.А. Пруденским и занимал пост заместителя начальника Сводного экономического отдела. Молодой кандидат наук был уже известен в научных кругах, когда получил предложение поехать в Сибирь. Отказавшись от предложения Г.А. Пруденского стать заместителем директора, Аганбегян убедил его создать лабораторию экономико-математических исследований (ЛЭМИ) как структурного подразделения ИЭиОПП. Аганбегяну удалось привлечь на работу в ЛЭМИ 29 исследователей. По его воспоминаниям, «многие ни разу не были в Сибири, но ехали туда на постоянное место жительства, причем собирались работать у 29-летнего кандидата наук, а не за какой-то широкой спиной. Это не были инакомыслящие люди, которые были вынуждены бежать из Москвы, потому что их за что-то преследовали. Все они занимали хорошие позиции в Институте экономики АН СССР, институтах Министерства финансов, Госплана, в Вычислительном центре Госплана, Институте имени Г.В. Плеханова» [9, с. 4].

На первых порах Институт экономики и организации промышленного производства располагался в самом Новосибирске и не собирался переезжать в Академгородок. Директор Г.А. Пруденский считал, что «раз вся промышленность находится в городе, то институт должен быть также в центре города. В отличие от других институтов Сибирского отделения для института такой социально-экономической направленности место размещения было действительно существенным. К тому же близость к обкому КПСС (сам Пруденский в прошлом был секретарем Свердловского обкома) оказалась кстати. Наша лаборатория, — подчеркивал А.Г. Аганбегян, — занималась экономико-математическими исследованиями. В Институте нам не давали развиваться — большая часть его коллектива была против экономико-математического направления. Это было время, когда считалось, что приме-

нение математики — не что иное, как попытка протащить буржуазные экономические учения. Местные партийные идеологи даже инициировали в 1962 г. проведение конференции, где нам дали бой по поводу применения математики. Мы оборонялись, пытались показать, что классики марксизма-ленинизма ей тоже были не чужды» [10, с. 228–229].

Вторым очагом напряженности были взаимоотношения между руководством института и группой социологов. Как уже отмечалось, в ИЭиОПП существовал центр по изучению проблем молодежи под руководством В.Н. Шубкина, ставший одним из первых социологических подразделений в стране. Формирование в структуре экономического института социологического центра отражало общую тенденцию того времени. Поскольку партийный истеблишмент с подозрением относился к эмпирическим исследованиям, социологи сочли за благо использовать для своих изысканий экономическое прикрытие и максимально дистанцироваться от политики и идеологии [3, с. 18]. В определенной степени это было выгодно и экономистам, так как привносило элемент междисциплинарности в изучение целого ряда традиционных проблем.

Первоначально социологические исследования пользовались поддержкой Г.А. Пруденского, несмотря на то, что В.Н. Шубкин не скрывал своих симпатий к А.Г. Аганбегяну и был приглашен в Новосибирск по его инициативе. Возможно, это объяснялось еще и тем, что сам директор не был чужд социологии. Несмотря на то, что проблемы бюджетов времени анализировались им с экономических позиций, их исследование открывало дорогу и для социологических изысканий. Однако уже в 1962–1963 гг. в отношениях между Пруденским и Шубкиным стали регулярно возникать серьезные трения. По всей вероятности, их причина коренилась прежде всего в стремлении консолидировать руководство ИЭиОПП вокруг директора. По воспоминаниям самого В.Н. Шубкина, «...Пруденский понял, что мы вместе с Аганбегяном, Можиным и другими представляем довольно «могучую кучку» и что, пока не поздно, нас надо «растачить». Я был приглашен в коттедж к директору. Он отечески беседовал со мной, подчеркивая, что мои таланты далеко не востребованы, и только он поможет мне развернуться на полную мощность. В связи с этим он предлагал мне стать его заместителем по научному совету, занимавшемуся внеурочным временем... Я решительно отказался.

...Через пару дней, придя в институт, я увидел приказ, обязывающий меня и мою группу из семи человек целиком переключиться на изучение повышения коэффициента сменности оборудования. Я возмутился... Каждую неделю на протяжении примерно двух месяцев меня вызывали на партбюро и грозили всеми смертными карами, вплоть до исключения из партии, за невыполнение важнейшего распоряжения директора ... А тут явилась еще комиссия парткома. Ее возглавлял Фомин, который работал у Пруденского и занимался бюджетами времени научных сотрудников. Члены комиссии заявляют, что мы при проведении наших массовых обследований ставим цель совершить, используя методы социологии, идеологическую диверсию: столкнуть поколения отцов и детей. (Было в то время такое «увлечение» штатных идеологов — всюду искать конфликт поколений.) «В чем вы это видите?» — спрашиваю я. — «Как в чем? В вашей анкете есть вопросы об образовании выпускников школ и их родителей», — отвечает комиссия. —

«Ну и что?» — недоумеваю я. — «Так ведь у вас получится, что нынешнее поколение более образованно, чем их отцы. Значит, отцы должны уступать власть детям? Так ведь получается». Напрасно произносил я какие-то слова о том, что рост образования новых поколений — это показатель роста культуры, прогресса: комиссия была четко запрограммирована на поиск идеологических ошибок. Сейчас это кажется нелепым и смешным. Но тогда было невесело» [1, с. 73–74].

В.Н. Шубкин принял решение поехать в Москву и заручиться поддержкой академика С.Г. Струмилина и не ошибся: академик рекомендовал завершить начатую работу. Но в стенах ИЭиОПП из-за конфликта с директором работать было невозможно, и Шубкин принял решение перейти в НГУ, в только что организованную хозрасчетную лабораторию Аганбегяна. Пруденский распорядился «арестовать» все материалы, полученные группой Шубкина по результатам массовых обследований молодежи. В 1964 г. по данным пилотажных исследований была опубликована первая статья «О мобильности молодежи в связи с выбором профессии». Однако когда В.Н. Шубкин представил текст доклада по этой теме в президиум АН СССР в связи с предполагавшейся поездкой в Польшу в составе делегации социологов, то узнал, что под влиянием Г.А. Пруденского доклад был признан антимарксистским, и в поездке было отказано [1, с. 75–77].

В дальнейшем сотрудничество социологов с А.Г. Аганбегяном успешно продолжалось. В 1964 г. оно воплотилось в публикации сборника «Количественные методы в социальных исследованиях» под их совместной редакцией, который спустя два года был переиздан большим тиражом в Москве. В книге, носившей выраженный методологический характер, содержались статьи ряда ведущих новосибирских социологов, в том числе В.И. Шляпентоха и И.В. Рывкиной [11, 12]. Эта работа была с энтузиазмом встречена представителями профессионального сообщества социологов и в дальнейшем на протяжении многих лет использовалась в качестве учебного пособия.

Между тем на протяжении всей первой половины 1960-х годов конфликт между ЛЭМИ и ИЭиОПП продолжал обостряться. Плацдарм, отвоеванный руководителем ЛЭМИ, постоянно расширялся. В отличие от других подразделений ИЭиОПП, в начальный период истории института ЛЭМИ была расположена в самом Академгородке. Аганбегян использовал преимущества ее месторасположения, добившись максимально возможной автономии от руководства института и установив стабильные контакты с представителями «родственных» математических подразделений научного комплекса, в частности, — с Институтом математики и бывшим тогда частью этого института Вычислительным центром. Эксперименты Аганбегяна и его сотрудников по применению математических методов в экономических исследованиях получили поддержку со стороны крупнейшего специалиста в области линейного программирования академика Л.В. Канторовича — будущего нобелевского лауреата. Напротив, это направление исследований с трудом вписывалось в стратегию ИЭиОПП, как она виделась Г.А. Пруденскому, и напряженность в отношениях между двумя лидерами явно нарастала. Общая атмосфера быстро растущего Академгородка, где в различных отраслях знания приоритет получали междисциплинарные исследования, а математика становилась своего рода «философией естествозна-

ния, работала на А.Г. Аганбегяна. По воспоминаниям Т.И. Заславской, «особенности Новосибирской школы (социологии) связаны и с широким использованием математических методов. В определенной степени это была мода, но мы всегда стремились к тому, чтобы это были методы не ради методов, а ради более углубленного анализа. И здесь наши сотрудники, поскольку они приходили с хорошим знанием экономической кибернетики, были достаточно сильны» [1, с. 145–146].

Коллеги вспоминают, что В.И. Шляпентох представлял увлечение математикой в виде кривой, где пик интенсивности применения математических методов в гуманитарных и социальных дисциплинах соответствовал минимальной математической квалификации гуманитариев и обществоведов. По мере овладения математическими знаниями эта интенсивность снижалась. Однако в целом интерес к использованию математического аппарата в экономических и социальных дисциплинах сохранялся на высоком уровне.

Руководители научного центра, где доминировали специалисты с математическим образованием, были способны понять эвристические возможности, открывающиеся при широком использовании математики в экономических исследованиях. К тому же в силу сложившейся конъюнктуры акценты на математизацию экономических исследований становились эффективным инструментом в борьбе за власть и влияние в научном сообществе. Несомненно, А.Г. Аганбегян отдавал себе в этом отчет и использовал «математизацию» в собственных политических целях. Результаты не заставили себя долго ждать. В противовес ЛЭМИ и некоторым другим подразделениям ИЭиОПП в целом все чаще воспринимался как учреждение традиционное. В Новосибирском научном центре, где активно приветствовались инновации, в том числе и в различных направлениях обществоведения, это не обещало институту легкой жизни. Как лидер ИЭиОПП, Г.А. Пруденский явно стремился отдавать приоритет политически беспроигрышным сюжетам и конкретным проблемам, ориентированным на вопросы экономического развития Сибири. Это в принципе могло гарантировать возглавляемому им учреждению относительно спокойную жизнь — но не в условиях Академгородка начала 1960-х, где в моде были актуализированные современной практикой проблемные области и новые междисциплинарные методы и технологии исследования.

В 1962 г. в Академгородке произошло событие, добавившее популярности А.Г. Аганбегяну, — инициированная им совместно с Л.В. Канторовичем крупная конференция по применению методов математического моделирования и информационных технологий в планировании, в которой приняли участие свыше 150 математиков и 350 экономистов из различных городов страны. Конференция облегчила диалог между математиками и экономистами. Пруденский был вынужден выступить с заявлением о перспективах применения математических методов в планировании. Аганбегян же эффективно использовал полученные возможности для привлечения внимания широкой аудитории к проводимым в ЛЭМИ исследованиям и достигнутым результатам [13, с. 223].

Параллельно в начале 1960-х годов под руководством Аганбегяна были созданы, помимо академической лаборатории, хозрасчетная лаборатория

экономико-математических исследований, отделение экономической кибернетики на гуманитарном факультете и кафедра политической экономии в Новосибирском государственном университете. Все звенья этого объединения, кроме институтской лаборатории, работали без помех. Однако в самом ИЭиОПП лаборатории Аганбегяна «не предоставлялось никакой возможности для развития: не давали в штат лаборантов, бумаги для работы, машинок для счета. Нужны были лаборанты, деньги на счетные машинки, да и другое материальное обеспечение» [10, с. 230]. Положение становилось все более нетерпимым, особенно принимая во внимание то, что потенциал ЛЭМИ и ассоциированных с ней научных подразделений в ННЦ уже был сопоставим с потенциалом всех остальных подразделений института. В 1964 г. А.Г. Аганбегян обратился к руководству Сибирского отделения с просьбой выделить его лабораторию из состава ИЭиОПП в качестве самостоятельной структурной единицы и переподчинить ее непосредственно президиуму СО АН СССР. М.А. Лаврентьев признал просьбу обоснованной. Однако Г.А. Пруденский написал в высокие московские инстанции о своем несогласии. В конце февраля 1965 г. в Сибирское отделение прибыла комиссия из Москвы, в которую входили представители из ЦК КПСС и президиума АН СССР. Возглавлял комиссию академик Н.П. Федоренко, директор Центрального экономико-математического института.

Комиссия работала в ИЭиОПП целую неделю и 4 марта доложила на бюро Новосибирского обкома КПСС о своих результатах. Члены комиссии признали, что лаборатория А.Г. Аганбегяна представляет сложившийся коллектив и является междисциплинарной структурой, активно внедряющей математические методы в экономику, поэтому имеет право на самостоятельное существование. Однако вопрос о статусе лаборатории был решен не сразу. Академик Федоренко предложил сделать лабораторию Аганбегяна филиалом своего института, а М.А. Лаврентьев и партийное руководство области считали, что лабораторию не следует отдавать Москве. 5 марта 1965 г. на заседании президиума СО АН СССР состоялось бурное обсуждение этого вопроса. М.А. Лаврентьев изложил суть проблемы: «В силу разных обстоятельств в Институте экономики фактически образовались две группы: старый Институт экономики и группа Аганбегяна. Между этими группами сложились очень тяжелые взаимоотношения, которые не способствовали, а мешали работе. Методы, которые использовались против Аганбегяна, выходили за рамки принятого. В таком положении оставлять коллектив опасно, и комиссия считает, что институт надо делить на три части. Как можно скорее надо выделить группу Аганбегяна, а также создать институт общественных наук. Вчера Герман Александрович сказал на бюро обкома, что у нас недостаточно внимания уделяется (так прямо в мой адрес и было сказано) общественным наукам: я зажимаю общественные науки, чем нанес серьезный ущерб Сибирскому отделению, что у нас идеология сильно хромает. Академик Федоренко вчера отметил, что и старое направление экономики, и математико-экономическое направление — в этом единстве была бы главная наша сила. Но в институте этого не получилось. Получилось так, что в последние полтора, а может и два года, Г.А. Пруденский большую часть времени болел, а его заместители оказались не на высоте. И в институте вместо дело-

вой, слаженной обстановки начались склоки, создающие помехи в работе. Сегодня мы должны решить, как эти помехи устранить» [14, л. 29, 30, 33].

Поскольку М.А. Лаврентьев опасался, что АН СССР не даст добро на самостоятельный статус лаборатории, было решено обсудить различные варианты. Когда один из членов президиума предложил передать ЛЭМИ в Институт математики, академик С.Л. Соболев горячо возразил: «Разработкой математических методов Аганбегян никогда не занимался, он применяет математические методы для решения конкретных экономических задач. Брать его в наш институт — это то же, что присоединить к нам институт катализа, где есть математическое моделирование. Канторович говорил, что еще есть мнение, чтобы его отдел выделить из института математики и объединить с группой Аганбегяна. Он этого не хочет, и я этого не хочу» [14, л. 38, 39].

Уже к концу марта 1965 г. руководство Сибирского отделения придумало оригинальный вариант: не просто вывести ЛЭМИ из Института экономики и организации промышленного производства, а воссоздать лабораторию по применению статистических и математических методов в экономике в составе СО АН СССР. Напомним, что такая лаборатория была создана в 1958 г. под академика В.С. Немчинова, но когда выяснилось, что он не будет работать в Сибирском отделении, лабораторию разделили на две части. Одна часть вошла в московскую лабораторию по применению математических методов в экономических исследованиях и планировании при Отделении экономических, философских и правовых наук АН СССР, а другая на правах отдела вошла в 1960 г. в состав Института математики СО АН СССР, и ею какое-то время руководил Л.В. Канторович.

Опираясь на организационные решения 1958 г., М.А. Лаврентьев доказал законность и необходимость существования такой лаборатории в составе Сибирского отделения. Уже в апреле 1965 г. президиум СО АН СССР принял постановление «О расширении экономических исследований в Сибирском отделении АН СССР», в котором говорилось о выделении лаборатории экономико-математических исследований из состава ИЭиОПП и формирования на ее базе лаборатории по применению статистических и математических методов в экономике СО АН СССР в составе 7 секторов [14, л. 176–178]. В состав новой лаборатории, помимо ЛЭМИ с кадровой численностью 29 человек, из ИЭиОПП, согласно постановлению, передавались также машиносчетная станция и сектор народнохозяйственных проблем Сибири и Дальнего Востока, который возглавлял Б.П. Орлов. Президиум СО АН принял решение выделить лаборатории 55 штатных единиц, 20 квартир и запланировать постройку здания по ул. Терешковой рядом с ИЭиОПП. До появления собственного здания сотрудники лаборатории должны были размещаться в специально выделенных для них 28 модулях ИЭиОПП [15, л. 13–15, 27]. Среди тех, кто выразил желание работать в новом научно-исследовательском учреждении, были Т.И. Заславская, В.П. Можин, К.К. Вальтух, Ф.М. Бородкин и др.

Этим решением во многом была предопределена судьба Института экономики и организации промышленного производства, хотя до практического разделения его на две части дело так и не дошло. 30 марта 1965 г. Г. А. Пруденский произнес последнюю речь на заседании президиума СО

АН СССР, где вновь заявил о своем несогласии по данному вопросу: «Создание лаборатории по применению статистических и математических методов в экономике в 1958 г. в составе Сибирского отделения было оправданно, так как во главе этого дела ставился известный статистик Немчинов. Сейчас у нас нет равного ему статистика и даже просто специалиста-статистика. Назвать учреждение статистическим, когда нет специалиста, — это несерьезно. Деление института в такой форме — привилегированное деление, создающее особые условия для Аганбегяна. Его лабораторию уже сейчас можно назвать институтом. Я глубоко уверен, что деление института экономики ослабит позиции экономической науки. На наш институт постановлением правительства возложены определенные темы государственной важности, за которые мы несем ответственность. Теперь создается обстановка, при которой мы эти темы выполнять не можем. Над проектом данного постановления работа ведется с февраля, а я, как директор и как член президиума СО АН, не поставлен в известность. Считаю, что решение о делении направлено на ликвидацию нашего института. Такое решение принимать преждевременно. Сегодня здесь институту экономики пытаются спеть “лебединую песню”» [14, л. 205–207, 213, 214, 217].

Эти аргументы не были признаны состоятельными. М.А. Лаврентьев лишь возразил, что создание лаборатории как особого структурного подразделения — отчасти вынужденная мера. «Наша задача, — подчеркнул он, — обеспечить такие условия, чтобы люди занимались не внутривидовой борьбой, а наукой» [14, л. 214]. Борьба за влияние в институте, однако, продолжалась. Теперь в нее оказался прямо вовлечен и сам М.А. Лаврентьев. В апреле 1965 г. во властные структуры было направлено письмо так называемого «актива» ИЭиОПП: «РЕШЕНИЕ актива ИЭиОПП СО АН СССР от 3 апреля 1965 г. Актив выражает свое недоумение по поводу предложения председателя СО АН СССР академика М.А. Лаврентьева утвердить на время лечения и отдыха директора Института Г.А. Пруденского исполняющим обязанности директора Б.П. Орлова, который не является специалистом по основным научным направлениям Института и скомпрометировал себя активной поддержкой заведующего лабораторией экономико-математических исследований А.Г. Аганбегяна в его стремлениях развалить и дезорганизовать работу Института. Мы осуждаем недоброжелательное отношение председателя СО АН СССР академика М.А. Лаврентьева к Институту экономики и организации промышленного производства и лично к директору Института члену-корреспонденту АН СССР Г.А. Пруденскому и считаем необходимым довести об этом до сведения Верховного Совета СССР» [16, д. 132].

Подобные методы не имели успеха. В июне 1966 г. Г.А. Пруденский по состоянию здоровья вынужден был оставить пост директора ИЭиОПП. Возглавить его было предложено А.Г. Аганбегяну — в то время единственному из сотрудников института, кроме Г.А. Пруденского, члену-корреспонденту АН СССР. А.Г. Аганбегян сразу же приступил к реорганизации, исходя из своих представлений о приоритетах развития экономических исследований в СО АН СССР. «Математизация» института приняла массовый характер. Свое место в его структуре нашли и социологи. Как считает В.И. Шляпентох, именно в это время — 1965–1966 гг. — социология вышла

из-под «зонтика» экономической науки, в полной мере конституируясь как самостоятельная социальная дисциплина [3, с. 33].

Что же касается Новосибирского научного центра, то здесь произошла, на первый взгляд, парадоксальная вещь. Пути А.Г. Аганбегяна и В.Н. Шубкина разошлись. У сибирской социологии появился новый лидер — будущий академик Т.И. Заславская, и сформировалось новое направление — экономическая социология, имеющая свой специфический предмет и методы анализа. Однако в этом не было противоречия. Возникновение нового научного направления хорошо интегрировало интересы социологов и экономистов и взаимно обогащало обе научные дисциплины. По воспоминаниям нового директора, «профиль института резко изменился. Был создан большой отдел моделирования темпов и пропорций развития во главе с профессором К. Вальтухом. Мощный отдел по региональным проблемам, который занимался Сибирью, возглавил профессор Р. Шнипер. Отраслевым отделом, который тоже занимался Сибирью и одновременно математическим моделированием, руководил профессор Л. Козлов. Социологический отдел, изучающий проблемы труда, миграции, текучести кадров, возглавила Т. Заславская, впоследствии академик РАН. Моим заместителем был назначен В. Можин, который потом стал академиком ВАСХНИЛ. Был, конечно, и математический отдел, который обслуживал все остальные. Вот так естественно, так постепенно шло развитие института» [9, с. 4].

В таком виде Институт вступил во второе десятилетие своей истории. Новый профиль и научные ориентации ИЭиОПП хорошо соответствовали ведущим направлениям в развитии социально-экономических исследований в стране и по многим аспектам выводили его на приоритетные позиции. Институт обладал высоким кадровым потенциалом и пользовался поддержкой со стороны руководства Сибирского отделения. Однако не все было так гладко. После событий 1968 г., радикально изменивших политический контекст в СССР, новые приоритеты приходилось неоднократно защищать перед партийными инстанциями. От хрущевской «оттепели» теперь уже окончательно остались лишь ностальгические воспоминания. Политика партийных властей в отношении ИЭиОПП стала принимать все более агрессивный характер. В частности, после получения очередной жалобы от сторонников прежнего руководства 12 июля 1969 г. Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС сделал следующее заключение: «За последние годы институт уделяет больше внимания разработке экономико-математических методов планирования народного хозяйства, исследованию проблем развития и размещения производительных сил в районах Сибири и Дальнего Востока, конкретно-социальным исследованиям проблем труда. Однако дирекцией института допущено отклонение в профиле института, в результате чего направления научной деятельности не соответствуют в полной мере его наименованию. Фактически, исследование проблем экономики промышленных предприятий, организации производства и труда, определенных при создании института, здесь почти не ведется. Предусмотренный в структуре института отдел планирования, управления и организации промышленного производства ликвидирован, и вместо него остался один небольшой сектор. Мало внимания в институте уделяется проблемам хозяйственной реформы и НТП. Президиум АН СССР (Келдыш) предполагает обсудить вопрос о на-

правлении и содержании исследовательской работы ИЭиОПП. Новосибирский обком КПСС, как сообщил Алферов М.С., рассмотрит вопрос о подборе, расстановке и воспитании кадров в ИЭиОПП» [17, л. 119, 120]. В таких условиях поддержку ИЭиОПП и лично А.Г. Аганбегяна со стороны председателя СО АН СССР М.А. Лаврентьева трудно было переоценить.

Впрочем, поддержка и на таком уровне уже «не срабатывала». В связи с «закручиванием гаек» в стране в целом естественным образом изменился социальный климат и в Новосибирском научном центре. В частности, определенную известность в Академгородке приобрело «дело» заместителя директора Института профессора Б.П. Орлова, позволившего себе во время заседания совета по защите диссертаций не согласиться с официальной трактовкой книги О. Шика «Экономика. Интересы. Политика». Вскоре и институт в целом дал повод для нападок. В 1969 г. его коллектив подготовил и издал с грифом «Для служебного пользования» научный доклад «Проблемы развития экономики Северо-Востока СССР на перспективу». Текст доклада был разослан в обычном, а не секретном, порядке отдельным специалистам, во многие учреждения и ведомства страны, обсуждался на конференциях и совещаниях в Москве, Новосибирске, Якутске, Магадане с привлечением широкого круга заинтересованных лиц. Поскольку при составлении научного доклада были использованы данные, относящиеся в то время к градации «совершенно секретно» и «секретно», то, как и следовало ожидать, вскоре последовали санкции.

30 июля 1969 г. председатель КГБ при СМ СССР Ю.В. Андропов направил в ЦК КПСС докладную записку, в которой сообщалось следующее: «... Грубое нарушение требований режима секретности при подготовке и издании подобных докладов допустили директор института, член-корреспондент Академии наук А.Г. Аганбегян, его бывший заместитель Орлов Б.П., начальник отдела Шнипер Р.И. и ученый секретарь Шеметов В.П.

По заключению специалистов Госплана СССР, в научном докладе разглашены совершенно секретные сведения, составляющие государственную тайну, о запасах меди, золота, сурьмы, олова, вольфрама и ртути на Северо-Востоке страны. В нем содержатся также секретные сведения об эффективности экспорта алмазов, золота, нефти, угля, чугуна и других полезных ископаемых, разглашение которых, по мнению Министерства внешней торговли СССР, может отрицательно повлиять на конъюнктуру рынка и нанести ущерб интересам Советского государства.

В соответствии с действующим законодательством Аганбегян и другие ответственные работники Сибирского отделения Академии наук СССР, допустившие разглашение государственной тайны, подлежат уголовной ответственности. Однако учитывая, что в действиях Аганбегяна и других виновных лиц умысла не установлено, как ученые и специалисты они характеризуются положительно, по мнению Комитета государственной безопасности, ограничиться в отношении их мерами административного воздействия и к уголовной ответственности не привлекать» [18, л. 92-93].

История с этим докладом получила широкую огласку. Председатель СО АН СССР академик М.А. Лаврентьев вынужден был поставить в повестку дня закрытого заседания президиума Сибирского отделения вопрос о нарушении режима секретности. Было принято решение об изъятии доклада и его

засекречивании. Руководителям организаций Сибирского отделения АН СССР, участвовавшим в подготовке доклада, было «строго указано» на допущенные ошибки и необходимость более строгого подхода к использованию материалов с грифом «Для служебного пользования» [18, л. 94–96]. Дополнительную проработку ИЭиОПП получил и от местных партийных органов. На заседании бюро Новосибирского обкома КПСС директору института А.Г. Аганбегяну также было «указано» на серьезные недостатки в обеспечении режима секретности, были намечены меры по усилению контроля за сохранностью государственной тайны во всех организациях Сибирского отделения АН СССР [18, л. 118]. В ноябре 1969 г. Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС счел возможным наконец поставить точку в этом вопросе. Тем не менее в докладной записке сотрудника отдела Е. Чехарина отмечалось: «В настоящее время разосланные экземпляры доклада возвращены институту и засекречены, за исключением четырех экземпляров, к розыску которых приняты меры» [18, л. 118].

Таким образом, уже в течение первых десяти лет истории ННЦ развитие социально-экономических исследований, институционально связанных, в основном, с ИЭиОПП, претерпело ряд сложных и весьма неожиданных поворотов. Сам институт прошел сложную эволюцию, связанную со сменой названия, лидеров, структуры, стратегии развития и приоритетных направлений исследований. По современным оценкам, в рамках первого десятилетия истории института можно выделить несколько относительно самостоятельных периодов. Во-первых, это организационный период, ограниченный 1957–1962 гг. Уже в это время в развитие научных исследований в институте вмешался фактор случайности — невозможность переезда в Новосибирск его организатора и предполагаемого директора академика В.С. Немчинова. Ставший директором ИЭиОПП член-корреспондент Г.А. Пруденский существенно скорректировал стратегию института, но не сумел найти убедительных аргументов для того, чтобы доказать ее релевантность потребностям времени.

В 1963–1965 гг. ИЭиОПП не представлял собой научный коллектив, связанный единой стратегией развития и общей исследовательской программой. Он скорее ассоциировался с группой известных экономистов и социологов, интересы которых зачастую оказывались конфликтными. Тем не менее сотрудникам ИЭиОПП в эти годы удалось обозначить свои приоритеты по целому ряду научных направлений и сформировать существенный научный задел на перспективу.

В 1965–1966 гг. институту пришлось пройти через масштабную реструктуризацию, которая затронула все стороны его деятельности и стала, по сути, вторым организационным периодом, определив перспективы развития социально-экономических исследований в Сибири на достаточно отдаленную перспективу. Пользуясь поддержкой руководства Сибирского отделения Академии наук, новый директор А.Г. Аганбегян решил провести в институте комплексную реорганизацию и, как показал исторический опыт, не прогадал.

Начиная с 1967 г. ИЭиОПП представлял собой крупный и консолидированный научно-исследовательский центр социально-экономического профиля, научные приоритеты которого хорошо отвечали логике развития эконо-

мических и социологических исследований в стране. Структура Института была уникальна — в отличие от специализированных «моноструктурных» московских институтов, в нем было сосредоточено большое количество научных направлений. В этом смысле ИЭиОПП с некоторым запозданием повторил научно-организационные решения, положенные в основу большинства других научно-исследовательских учреждений Новосибирского научного центра. Академик В.В. Кулешов впоследствии отмечал: «Мы занимались и макроэкономикой, и микроэкономикой, и социальной проблематикой, и отраслевой, и региональной, и межрегиональной. Этого требовала обстановка, потребности нашего огромного региона. Эта уникальность характеризует институт до сих пор» [9, с. 3]. Сложность заключалась лишь в одном. Институт оформил свою новую структуру и конституировал ряд новых направлений как раз тогда, когда ситуация в стране уже изменилась и новаторские эксперименты в экономике и социальной сфере явно перестали приветствоваться. Особенно это стало заметно после советского вторжения в Чехословакию в 1968 г. Такая асинхронность событий не могла не повлиять на институт и не наложить свой отпечаток на развитие определенных научных направлений.

История Сибирского отделения РАН и его отдельных научно-исследовательских подразделений наполнена коллизиями, которые отражают противоречивые тенденции в развитии науки и научной политики в СССР. Региональное отделение АН СССР, созданное в Сибири, предстает как элемент общей научной системы, механизмы воздействия на которую со стороны партийно-государственных органов и реакция научного сообщества на это воздействие нуждаются в дальнейшем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
2. *Fortescue S.* Research Institute Party Organizations and the Right of Control // *Soviet Studies*. Vol. XXXY. No 2. April, 1983.
3. *Shlapentokh V.* The Politics of Sociology in the Soviet Union. Boulder: Westview Press, 1987.
4. *Шеметов П.В.* Экономические исследования в Сибири. Новосибирск: Наука, 1983.
5. Академия наук СССР. Сибирское отделение: Хроника. 1957–1982 гг. Новосибирск: Наука, 1982.
6. Академия наук СССР. Сибирское отделение: Персональный состав. 1957–1982 гг. Новосибирск: Наука, 1982.
7. Век Лаврентьева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.
8. Новосибирский научный центр. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962.
9. Наука в Сибири. 1998. № 47.
10. *Аганбегян А.Г.* У истоков экономического образования в НГУ // Наука. Академгородок. Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Вып. 1. Новосибирск: НГУ, 1999.
11. Количественные методы в социологии / Под ред. А.Г. Аганбегяна и В.Н. Шубкина. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1964.
12. Количественные методы в социологии / Под ред. А.Г. Аганбегяна и В.Н. Шубкина. М.: Наука, 1966.

13. *Josephson P.* New Atlantis Revisited: Akademgorodok, The Siberian City of Science. Princeton: Princeton University Press, 1997.
14. Научный архив СО РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 465.
15. Научный архив СО РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 466.
16. Архив РАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 400. Л. 132.
17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 44.
18. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 61.